

УДК 004+303+308

МЕТОД ОБЩЕНАУЧНОГО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

**ЛЕБЕДЕВ
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
философского факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

научное знание
онтология науки
научная картина мира
метатеоретический уровень
научного знания
онтологическое обоснование теории

Аннотация:

В статье излагается метод общенаучного онтологического обоснования научных теорий. Его суть состоит в следующем: 1) в доказательстве отсутствия логического противоречия между конкретной научной теорией и общенаучной картиной мира; 2) в интерпретации положений конкретной научной теории в терминах соответствующей общенаучной картины мира; 3) в выведении основных положений обосновываемой научной теории в качестве следствий общенаучной картины мира. Общенаучное онтологическое обоснование научной теории – лишь один из факторов легитимации новой теории в качестве истинной наряду с тремя другими формами ее легитимации: парадигмальным, гносеологическим и философским обоснованием.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 05 марта 2020 года

Опубликована: 05 апреля 2020 года

Введение

Общенаучное знание – это один из видов метатеоретического знания в науке. Он является более общим, чем фундаментальные (парадигмальные) конкретно-научные метатеории в той или иной области науки, но менее общим, чем философские основания науки [1; 2]. Общенаучное знание выходит за пределы онтологии и методологии не только конкретно-научных теорий, но и за пределы онтологии и методологии отраслей научного знания [4; 11]. Общенаучное знание состоит из двух основных элементов: научной картины мира, а также идеалов и норм исследования науки определенного культурно-исторического типа науки (античной науки, средневековой науки, классической науки, неклассической науки, постнеклассической науки). Если конкретно-научное метатеоретическое знание является предпосылочным (априорным) по отношению к новым научным теориям, то общенаучное знание выступает в качестве предпосылочного (априорного) уже по отношению к конкретно-научному метатеоретическому знанию (металогика, метаматематика, парадигмальные теории естествознания и социально-гуманитарных наук). Соответственно содержательному различию указанных выше элементов общенаучного знания существует два разных способа общенаучного обоснования научных теорий: онтологический и гносеологический. В данной статье мы рассмотрим метод общенаучного онтологического обоснования научных теорий. Для этого необходимо проанализировать содержание конструкта «общенаучная научная картина мира». Проанализируем содержание и функции этого конструкта на материале истории науки.

Основное содержание

1. Общенаучная картина мира и ее природа

Для общенаучной картины мира античной науки были характерны следующие черты: 1) понимание мира как космоса, то есть как объективной реальности, управляемой объективными закономерностями («разумность» космоса и означала для греков не что иное, как признание его целостности, самоорганизованности и самоуправляемости в соответствии с внутренними законами); 2) признание целенаправленного (телеологического) характера любых изменений в материальном мире (учение Аристотеля о четырех видах причин любого материального явления, главной из которых является целевая причина, придающая любому изменению векторный и часто необратимый характер); 3) выделение в Природе двух качественно различных онтологических сфер: сфера Земли с ее законами и сфера Неба с качественно иными законами; 4) принцип всеобщей взаимосвязи явлений; 5) понимание пространства и времени как объективных и независимых друг от друга характеристик материальных систем и процессов (пространство как местоположение материального тела по отношению к местоположению других тел, а время как длительность любых материальных процессов); 6) выделение в объективном мире двух слоев реальности: уровня сущностей и уровня явлений (уровня проявления сущностей). Начиная с античной эпохи и вплоть до XX века общенаучная научная картина мира была предметом такой особой области знания как натурфилософия (в этой связи вполне логично выглядит название основной работы И. Ньютона «Математические начала натуральной философии»). Как известно, все основные положения античной натурфилософии были разработаны Аристотелем. Хорошо известно также, что большинство положений общенаучной картины мира классической науки логически противоречили античной натурфилософии (универсальный характер целевой причинности в мире в общенаучной картине мира античности и ограничение этого типа причинности только высокоразвитыми животными в картине мира классической науки), геоцентризм (картина мира античной науки) и гелиоцентризм (картина мира классической науки), атрибутивность пространства и времени (античная натурфилософия) и субстанциональность пространства и времени (картина мира классической науки) и т.д.

Что составляло содержание второй компоненты метатеоретического знания античной науки: ее представлений об идеалах и нормах научного исследования? Такими представлениями были следующие: 1) главная цель науки – объективно-истинное знание о сущностном уровне реальности, а человеческое сознание благодаря мышлению способно достичь этой цели; 2) научный закон – это характеристика отношения между сущностями, поэтому научные законы это элементы не эмпирического знания, а только научных теорий, главным средством построения которых является мышление); 3) истина – это тождество содержания знания и предмета знания, поэтому истина возможна только как описание сущности явления; 4) наблюдения (эмпирический опыт) и эксперимент (материальная деятельность с объектом) по своей роли в научном познании вторичны по отношению к мышлению (разуму) и полностью зависят от него; 5) сущности – чувственно не воспринимаемы, поэтому единственным средством их познания может быть либо рефлексивное мышление («припоминание душой своего содержания» – Платон), либо «интеллектуальная интуиция» (Аристотель); 6) научные теории это логически взаимосвязанная система идей (представляющих в мысли определенные объективные сущности); 7) научные теории должны быть построены как дедуктивно-аксиоматические системы (ибо только они могут быть логически доказательными); 8) хотя эмпирический опыт не может быть средством доказательства истинности научной теории, последняя не должна противоречить опыту; 9) научное знание, хотя и может быть полезным на практике, однако главная цель науки другая – объективная истина; 10) соответствие научного знания практике и ее интересам в принципе не может рассматриваться в качестве критерия его истинности, ибо практика это менее точная и реальность, чем научные теории; 11) ученые должны четко формулировать те философские основания, на которые они опираются при построении научных теорий (философские принципы и положения – необходимый и важнейший компонент научных теорий). Конкретно-научные метатеории античной науки (геометрия Эвклида, физика Аристотеля, астрономическая теория движения небесных тел Птолемея) находились в полном соответствии с общенаучным (онтологическим и гносеологическим) знанием античной эпохи. С одной стороны, эти теории получали свое необходимое обоснование и санкцию на истинность с позиций научной картины мира и идеалов и норм научного познания античной эпохи, а, с другой – служили подтверждением истинности общенаучного и философского знания античной науки.

Для средневекового социокультурного типа науки было характерно не только специфическое содержание ее общенаучного знания. Средневековая европейская наука была в своей основе и

содержании социально-гуманитарным знанием, так как развитие математики, естествознания, а тем более технических наук не было востребовано религиозным типом европейской цивилизации, аксиологическую основу которой составляло христианство. Средневековая наука, как особый социокультурный тип науки сформировалась примерно в VIII–IX веках и просуществовала вплоть до XVI века, до начала эпохи Возрождения.

Основу средневековой науки составили такие социально-гуманитарные дисциплины как логика, политика и антропология (Августин Блаженный), риторика, герменевтика (рациональное истолкование содержания Священного Писания и трудов отцов церкви), языкознание и лингвистика, этика. Средневековая наука переключила свое внимание с изучения космоса и природы на человека, общество, сознание, духовный и трансцендентный мир (А. Кентерберийский, П. Абеляр, Ф. Аквинский и др.). Свообразными гибридами естествознания и социально-гуманитарного знания стали алхимия, астрология и средневековая медицина. Среди чисто светских научных дисциплин в составе средневековой науки можно выделить только логику, где, по мнению видных историков логики (Т. Котарбинский, Н.И. Стяжкин), средневековыми учеными было получено немало результатов, во многом предвосхитивших исследования в области математической логики и семантики XIX – первой половины XX века. Такое большое внимание средневековых ученых к формальной логике было обусловлено той важной ролью, которую выполняло знание логики в философско-религиозных дискуссиях. Функции общенаучной картины мира и идеалов и норм научного исследования в средние века во многом выполняла христианизированная натурфилософия и методология науки Аристотеля.

В общенаучное знание античности были внесены такие новые принципы как теологизм и антропность, которые подчеркивали имманентно ценностный характер любых научных теорий и концепций (Августин, Ф. Аквинский, Н. Кузанский и др.), включая знание о природе. Неразрывное единство естественнонаучного и гуманитарного знания – основной конституирующий лейтмотив средневекового социокультурного типа науки. Одним из его проявлений было включение в состав идеалов и норм научного исследования таких требований как духовно-ценностная интерпретация научного знания, описание его вклада в демонстрацию совершенства и мудрости Создателя. Другим проявлением неразрывного единства естественнонаучного и социально-гуманитарного знания стало утверждение приоритета всеобщих, вечных истин перед частными истинами, приоритета «истин веры» по отношению к «истинам разума и опыта», а также приоритета целого перед своей частью. Третьим существенным проявлением единства научного знания в средние века было введение в методологический арсенал науки таких средств постижения сущности как «божественное откровение», «интуитивное озарение», «очевидность», «верование» и др. Не только отцы церкви и ее идеологи, но и все крупные ученые – естественники такие как Н. Коперник, Дж. Бруно, Парацельс и др., постоянно использовали указанный методологический дискурс при построении и обосновании своих как они думали абсолютно-истинных концепций.

С качественно иным по содержанию общенаучным знанием мы встречаемся в классической науке – новом социокультурном типе науки, пришедшем в Новое время на смену средневековой науке. Если в средневековой науке еще не было достаточно четкого различия в структуре теоретического знания общенаучного знания и конкретно-научных метатеорий (поскольку в развитой форме последнего вида знания в средневековой науке по существу еще не было), то в структуре классической науки такое различие уже четко фиксируется.

Среди конкретнонаучных метатеорий классической науки можно выделить следующие: в физике это классическая механика, теория электромагнетизма, термодинамика; в математике – аналитическая геометрия, математический анализ, а позже теория множеств Г. Кантора; в биологии – теория происхождения и эволюции видов Ч. Дарвина; в химии – кислородная теория горения А. Лавуазье и аналитическая химия; в экономике – теория трудовой стоимости Д. Рикардо и А. Смита; в логике – математическая логика Дж. Буля и др. (алгебра логики).

Появились также новые фундаментальные политические, юридические и антропологические теории, выражающие интересы и цели индустриально-рыночного, научно-технологического и урбанистического типа общества Европы XVII–XIX вв. – нового тренда общественного развития, ставшего в итоге парадигмальным и охватившем впоследствии всю человеческую цивилизацию. В условиях стремительного развития научного знания и бурного роста конкретно-научных метатеорий в различных областях науки, по-новому встал вопрос о природе и статусе общенаучного знания в структуре научного знания и его соотношении с конкретно-научными метатеориями. С одной стороны, было очевидно, что необходимо различать конкретно-научные метатеории и общенаучное знание, хотя бы по степени их общности. Например, было ясно, что общенаучная картина мира не может быть сведена не только к

физической картине мира (тем более только к механической картине мира), но и к представлениям о мире всего естествознания в целом, предметом изучения которого является только природа и ее различные сферы. Общество и человек с их отличительными особенностями при таком редукционистском подходе явно выпадали из сферы науки и научного знания. С другой стороны, основную «погоду» в качестве главных детерминант развития и обоснования научных теорий в различных областях науки (как в естествознании, так и в социально-гуманитарных науках), делали все же именно фундаментальные научные теории (метатеории), а отнюдь не общенаучное знание. Это относилось как к общенаучным представлениям того времени о мире, так и к представлениям об общих методах научного познания. Общенаучное знание явно отодвигалось в плане его операциональной значимости для развития научного знания на периферию, по сравнению, скажем, с научными метатеориями типа классической механики Ньютона в физике или теории эволюции видов Дарвина в биологии.

В классической науке ее конкретно-научные метатеории однозначно и решительно заняли место посредников между общенаучным знанием и частными научными теориями, контролируя и фильтруя влияние первого на вторые. Вместе с тем, благодаря стремлению науки к единству и целостности (как необходимому условию относительной независимости и самостоятельности науки по отношению к другим видам познания и знания), общенаучное знание было по-прежнему востребовано в классической науке как некий ее «общий зонтик» для всего научного знания и его репрезентации, а также для представления содержания научного знания обществу и культуре своей эпохи и последующего усвоения ими этого знания.

Конкуренция конкретно-научных метатеорий и общенаучного знания за право представлять собой научное знание в целом является частным случаем двойственной гносеологической и онтологической природы всякого общего знания. С одной стороны, общее может быть результатом фиксации тождественного в некотором классе предметов и отвлечения от их различий (аристотелевско-локковская теория образования общего знания, как более бедного и абстрактного знания по сравнению с содержанием каждого элемента, входящего в обобщаемый класс). Эта концепция образования абстракций может быть условно названа либерально-демократической теорией природы общего знания, понимаемого как результат отчуждения некоторого общего содержания у конкретных и единичных предметов. С другой стороны, функцию общего знания по отношению к множеству единичных и конкретных предметов может выполнять любой единичный предмет, взятый либо из того же множества единичных предметов, либо вообще из другого множества единичных предметов. Это так называемая репрезентативная теория абстракции, когда содержание и «интересы» класса конкретных единичных предметов выполняет некоторый другой, но столь же конкретный и единичный предмет, особенно если при этом полагать, что других реальных сущностей кроме единичных предметов в мире просто не существует (Дж. Беркли и номиналисты). Эта концепция образования общего знания может быть названа авторитарной теорией образования общего знания, когда содержание и интересы определенного класса конкретных индивидов берется представлять другой конкретный индивид.

Названные выше концепции природы общего знания это старый философский спор о природе общих понятий между реализмом и номинализмом, особенно ожесточенная полемика между представителями которых имела место в средневековой философии. Очевидно, что понимание общенаучного знания как обобщения содержания различных конкретных наук и областей научного знания основано на либерально-демократической теории природы общего знания. Сведение же общенаучного знания к фундаментальным (парадигмальным), но конкретным метатеориям – дань репрезентативной и авторитарной теории природы общего знания. Согласно данной концепции никакого особого слоя общенаучного знания как некоего обобщенного содержания различных конкретных наук вообще не существует, ибо непонятно, как такое знание может быть реально создано и кто из ученых занимается или должен заниматься его созданием. Другое дело, считают сторонники репрезентативной теории общенаучного знания, что функции общенаучного знания могут взять на себя имеющиеся в науке ее конкретные фундаментальные метатеории как парадигмальные для всего остального научного знания той или иной науки (Т. Кун) [3]. В этом случае, например, механика Ньютона и основанная на ней классическая физика вполне могли бы взять на себя (и реально это делали) функции общенаучного знания, как в плане истинной научной картины мира, так и в плане методологического образца построения и обоснования любого научного знания. Именно во многом за счет содержания классической физики шло формирование общей картины мира классической науки [11; 10]. Согласно этой картине:

- 1) мир – это объективная реальность, существующая не только вне и независимо от человеческого сознания, но и от любого сознания и воли вообще;
- 2) миром управляют его собственные, внутренние объективные законы, которые и пытается открыть и обосновать наука;
- 3) в поведении материальных объектов не существует свободы, а есть только либо внешняя детерминация их поведения, либо самодетерминация изменения своих состояний на основе присущих им законов; свобода в материальном мире – это метафора, это просто непознанная еще необходимость;
- 4) мир бесконечен в пространстве и времени, он никем не сотворен и вечен;
- 5) мир соткан из однозначных законов, вероятностное знание – это просто неполное знание реальных законов, хотя и оно полезно (так сказать, за неимением лучшего) [6];
- 6) наука – враг «случайности»; апелляция к случайности при объяснении явлений это трусливое «бегство» от подлинно научного способа познания мира;
- 7) никаких целей и целевых причин в материальном мире не существует;
- 8) пространство и время – объективны, субстанциональны и абсолютны в плане их независимости как друг от друга, так и от содержания материальных объектов и процессов;
- 9) в мире существует возможность мгновенной передачи материального воздействия от одного объекта к другому (возможность передачи импульса с бесконечной скоростью);
- 10) мир представляет собой единую и целостную систему, где все явления находятся в постоянной взаимосвязи друг с другом и с миром как целым;
- 11) беспричинных явлений и событий в мире не существует;
- 12) утверждения о существовании Бога как демиурге материального мира и его макрорегуляторе для научной картины мира не являются необходимыми («В этой гипотезе наука не нуждается» – П.С. Лаплас) [4].

Конечно, все эти черты общенаучной картины мира были заимствованы из классической механики и экстраполированы не только на физическую картину мира, но и на природу и даже на мир в целом. В основе такой экстраполяции, безусловно, лежит репрезентативная теория природы общего знания. И если химические теории еще как-то вписывались в механическую и физическую картину мира классической науки, то уже биологические теории, а тем более социальные и гуманитарные теории явно диссонировали с ней. Отсюда бунт многих биологов против механицизма как общенаучной картины мира (Ж.Б. Ламарк, Ч. Дарвин и др.), не говоря уже о социологах (М. Вебер, и др.) и почти всех представителях наук о человеке (начиная от медиков – например, поздний Н.И. Пирогов, и кончая психологами от В. Вундта до И.М. Сеченова и др.). Без апелляции к категориям «сознание», «воля», «случайность», «свобода» нельзя было построить никаких сколько-нибудь значимых не только социально-гуманитарных, но и биологических теорий [9]. Механицизм и физикализм давали здесь явную осечку в своих претензиях на общенаучную картину мира. Такой же «сбой» наблюдался и при навязывании стандартов, норм и методов физического познания всему корпусу наук в целом.

Таким образом, уже в классической науке потерпела фиаско стратегия отождествления общенаучной картины мира с онтологией некоторой фундаментальной конкретно-научной метатеории. Более того, бурный рост научного знания в XVII-XIX вв., имевший место во всех областях науки (естествознании, социально-гуманитарных науках, математике и логике и, наконец, в технауках), привел к формированию в различных отраслях науки специальных научно-научных картин мира для каждой из областей, которые репрезентировали особенности изучаемых сфер и объектов действительности. К ним относятся: физическая картина мира, химическая картина мира, биологическая картина мира, социальная картина мира, общая онтология человека, общая онтология математики, общая онтология технауки.

2. Частно-научная картина мира и ее методологические функции

Главной функцией научно-научных картин мира было обеспечение онтологического единства некоторого класса научных дисциплин при изучении ими общей для них и качественно определенной сферы объективной реальности (неорганической природы, органической природы, социальной реальности, техносферы, человека, количественных закономерностей и пространственных структур). В результате возникновения научно-научных картин мира вновь появились две возможности, две стратегии в создании общенаучной картины мира классической науки. Первая возможность вновь была редукционистски-репрезентативной стратегией обобщения: объявление одной из научно-научных картин мира в качестве общенаучной. На эту роль естественно более всего подходила физическая картина мира, так как физика изучала наиболее фундаментальные виды энергии и движения, присущие

всем видам материальных объектов. Ярким примером такого физикалистского редукционизма были, например, попытки свести биологические явления, и в частности феномен жизни к законам физики и химии (например, такой подход был заявлен в классической работе Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики?») [10]. Это же имело место в более ранних произведениях Л. Бюхнера, К. Фогта и Я. Молешотта по сведению законов деятельности психики и мозга к физиологическим законам, а также при трактовке законов функционирования общества как законов, аналогичных законам физики и химии в природе (О. Конт и др.).

Объективной основой такого сведения является то, что более сложные формы движения материи всегда включают в себя и основаны на действии более простых форм и законов объектов и процессов. Например, любой биологический процесс и любая биологическая структура всегда включают в себя определенные физические и химические процессы, протекающие в соответствии с законами физики и химии. Любой редукционизм, отстаивая концепцию единства мира на основе возможности сведения сложных явлений к более простым и, в конечном счете, элементарным, всегда делал это ценой абстрагирования от качественной специфики более сложных явлений (например, биологических и социальных процессов) по сравнению с более простыми (например, физическими и химическими), а также от общих законов функционирования сложных систем как целостностей по сравнению с законами более простых систем и процессов, входящих в сложные системы в качестве их элементов.

Однако при создании общенаучной картины всегда имели место редукционистские попытки не только сведения сложного к простому, но и противоположной направленности – сведение простого к сложному, трактовке простого как «недоразвитого» сложного, содержащего последнее в качестве не только своей потенции, но и цели (различные варианты органицизма и холизма). Методология такого редукционизма выражена известной максимой: «Ключ к анатомии обезьяны – анатомия человека» (К. Маркс). Свое завершение такой редукционизм с неизбежностью находит либо в объективном идеализме, либо в телеологизме. Поэтому оба варианта редукционизма (и от сложного к простому, и от простого к сложному) представляются в равной степени неприемлемыми. Абстрактной альтернативой редукционизма, его «бинарной оппозицией» является, как известно, плюрализм, чрезмерно подчеркивающий, акцентирующий не столько единство мира, сколько качественное различие всех его форм и состояний.

У плюрализма как методологического подхода в решении проблемы соотношения общего и единичного есть своя ахиллесова пята: это опасность безбрежного плюрализма, приводящего, в конечном счете, к утверждению абсолютной уникальности, неповторимости любых реальных явлений и процессов в мире. Эффективность такой установки оказалась более или менее продуктивной лишь только в двух сферах: при осмыслении некоторых явлений культуры и особенно произведений искусства и отдельного человека как личности с уникальной экзистенцией. Акцент на самобытность культур и индивидуальность человеческой личности позволяет учитывать ценность их неповторимости в качестве приоритетного свойства для выстраивания по отношению к ним наиболее адекватной перспективы и линии поведения со стороны других культур и других личностей [8].

Заключение

Основные выводы:

1. Метатеоретический уровень научного знания – самый общий уровень научного знания каждой из наук. Его предмет – конкретные научные теории. Одна из целей метатеоретического уровня научного знания – обоснование соответствия научных теорий общепринятой научной картине мира.

2. Сущность общенаучного онтологического обоснования научных теорий состоит в достижении двух целей: 1) доказательстве отсутствия логического противоречия между конкретной научной теорией и общенаучной картиной мира; 2) интерпретации положений конкретной научной теории в терминах соответствующей общенаучной картины мира; 3) выведении основных положений обосновываемой научной теории в качестве следствий общенаучной картины мира.

3. Общенаучное онтологическое обоснование научной теории – лишь один из факторов легитимации новой теории в качестве истинной наряду с тремя другими формами ее легитимации: парадигмальным, гносеологическим и философским обоснованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепции современного естествознания: Учебник для академического бакалавриата / С.А. Лебедев [и др.]; Под общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Юрайт, 2015. 374 с.

2. Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 441 с.
3. Кун. Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2000. 320 с.
4. Лебедев С. А. Методы научного познания: Учебное пособие. М.: Альфа-М: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 272 с.
5. Лебедев С.А., Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 6. С. 1–20.
6. Лебедев С.А. Общенаучная картина мира и ее методологические функции // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С.130–135.
7. Лебедев С.А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. 66–79.
8. Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013. № 4. С. 69–83.
9. Лебедев С.А. Научная картина мира в ее развитии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2012. № 3. С. 3–27.
10. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. 176 с.
11. Lebedev S.A. The general ontological concern of scientific knowledge // Вопросы философии и психологии. 2016. № 1 (7). С. 12–19.

REFERENCES

1. Concepts of Modern Science: A Textbook for Academic Baccalaureate / Ed. by S. A. Lebedev. Moscow, 2015. 374 p. (In Russ.)
2. Lebedev S.A. Scientific method: history and theory. Moscow, 2018. 441 p. (In Russ.)
3. Kuhn T. The Structure of scientific revolutions. Moscow, 2000. 320 p. (In Russ.)
4. Lebedev S.A. Methods of scientific cognition. Moscow, 2016. 272 p. (In Russ.)
5. Lebedev S.A., Kudryavtsev I.K. Determinism and indeterminism in the development of science. Bulletin of the Moscow University. Ser. 7: Philosophy. 2005. No. 6. P. 1–20. (In Russ.)
6. Lebedev S.A. General scientific picture of the world and its methodological functions. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 87. No. 2. P. 130–135. (In Russ.)
7. Lebedev S.A. Structure of scientific rationality. Questions of philosophy. 2017. No. 5. P. 66–79. (In Russ.)
8. Lebedev S.A. Post-non-classical epistemology: basic concepts. Philosophical Sciences. 2013. No. 4. P. 69–83. (In Russ.)
9. Lebedev S.A. Scientific picture of the world in its development. Bulletin of the Moscow University. Ser. 7: Philosophy. 2012. No. 3. P. 3–27. (In Russ.)
10. Schrodinger E. What is life from the point of view of physics? Moscow, 2009. 176 p. (In Russ.)
11. Lebedev S.A. The general ontological concern of scientific knowledge. Questions of philosophy and psychology. 2016. No. 1 (7). P. 12–19.

METHOD OF GENERAL SCIENTIFIC ONTOLOGICAL JUSTIFICATION OF SCIENTIFIC THEORIES

LEBEDEV
Sergey

*Doctor of Philosophy,
Professor, Chief Researcher,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of
Philosophy,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

scientific knowledge
ontology of science
scientific picture of the world
metatheoretic level of scientific
knowledge
ontological justification of the theory

Summary:

The article describes the method of General scientific ontological justification of scientific theories. Its essence consists in the following: 1) proof of the absence of logical contradiction between a particular scientific theory and a scientific picture of the world; 2) the interpretation of specific scientific theories in terms of relevant General scientific picture of the world; 3) the withdrawal of the main provisions will describe a scientific theory as a consequence of the General scientific picture of the world. The General scientific ontological justification of the scientific theory is only one of the factors of legitimization of the new theory as true along with three other forms of its legitimization: paradigmatic, epistemological and philosophical justification.